

УДК 94(57)

Курносов B. B.
Kurnosov V. V.

К ВОПРОСУ СТАТУСА ОБСКИХ УГРОВ В ВОЕННЫХ ПОХОДАХ СИБИРСКИХ ТАТАР (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

ON THE STATUS OF THE OB-UGRIANS IN MILITARY CAMPAIGNS OF THE SIBERIAN TATARS: PROBLEM STATEMENT

В статье дается описание проблемы взаимодействия обских угров и сибирских татар в военной сфере. Военное сотрудничество народов Западной Сибири в Средневековье не было чем-то уникальным в истории Евразии и зафиксировано немногочисленными письменными источниками. Однако скучность сведений оставляет дискуссионным вопрос статуса обских угров в походах сибирских татар. Автор предлагает перспективные пути для дальнейшей разработки проблемы.

In the framework of this article, the author addresses the problem of the interaction of the Ob-Ugrians and Siberian Tatars in the military field. The military cooperation of the inhabitants of Western Siberia in the Middle Ages was not something unique in the history of Eurasia and was recorded by a few written sources. However, the scarcity of information leaves debatable the issue of the status of the Ob-Ugrians in the campaigns of the Siberian Tatars. The author offers promising ways for further development of the problem.

Ключевые слова: обские угры, сибирские татары, взаимоотношения, статус, союзники.

Keywords: Ob-Ugrians, Siberian Tatars, relationships, status, allies.

Одной из причин успешной завоевательной политики монголов в XIII в., позволившей им создать самую большую трансконтинентальную империю Средневековья, была их поразительная способность вести боевые действия силами покоренных народов. Очевидно, что монголы не были изобретателями подобного стратегии. В истории немало примеров того, как представители ядра государственного образования привлекали в проводимые им боевые операции, будь то набеги, завоевательные походы или защита родного домена, народы, входившие в полупериферию/периферию единой «мир-системы», причем примеры применения подобной стратегии можно встретить в разных концах Евразийского континента и в различные периоды. Это и группа племен теле, чьими силами, по меткому выражению Н. Я. Бичурина, тюрки «геройствовали в пустынях севера» [1, с. 301], это и славяне, совершившие походы на Византию под воеводством авар, варягов [2, с. 204], это и поразившие современников своей жестокостью мокшане в западном походе Бату-хана на Восточную Европу [3, с. 110]. Не стала исключением в этом отношении и Западная Сибирь.

С образованием монгольской империи в XIII в. часть обских угров попадают в зависимость, которая, по мнению многих исследователей, состояла в уплате ясака и участии в совместных с сибирскими татарами боевых походах [4, с. 230; 5, с. 21]. Это соответствовало общимперской политике, проводимой потомками Чингисхана в отношении покоренных народов.

О совместных военных выступлениях обских угров и сибирских татар исследователи обычно пишут, освещая события заключительного этапа существования Сибирского ханства Кучума. Этот этап дорусской истории наиболее освещен в письменных источниках, менее освещена история Тюменского ханства Ибака XV в. И,

несмотря на фрагментарность письменных сведений, которая порождает дискуссионность выводов по некоторым ключевым вопросам, факт существования угро-татарской коалиции не подвергается сомнению. Расхождения в позициях вызывает вопрос о статусе обских угров в военных походах сибирских татар, о характере взаимоотношений: вассальные, или союзнические, или же обские угры проводили свою независимую политику, в рамках которой имело место лишь совпадение интересов с южными соседями.

В Вычегодско-Вымской летописи за 1481 г. содержится наиболее раннее сообщение о набеге пельмского князя Асыки на пермские владения русского царя, эта военная операция, по мнению некоторых исследователей, была проведена совместно с тюменскими татарами. «Лета 6989 пришедшу Асыка князь с пельмскими vogуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердынью, Чердынь не взял, а Покчу пожегл и князя Михаила Ермолича и княжат его поsekл и повосты розорив. Узнав про то Андрей Мишнев со свои устюжаны поиде на Пермь, сугнав vogуличов под Чердынью побил и приплывшу по Каме реке тюменских татар поsekл» [6, с. 262]. По мнению В. В. Каргалова, тюменский хан использовал подвластное ему таежное население Западной Сибири в своей антироссийской политике [7]. Схожую позицию занимает В. А. Оборин, считающий, что в этот период набеги пельмских князей совершались при подстрекательстве сибирских ханов [8, с. 76]. Это предполагает некую зависимость Пельмского княжества от Тюменского ханства. Так, А. Т. Шашков прямо указывает на то, что пельмский князь в данном случае выступает как вассал тюменского хана Ибака [9]. Однако, по справедливому замечанию Д. Н. Маслюженко, в данном отрывке летописи не говорится о непосредственном участии сибирских татар в набеге пельмцев. По мнению автора, скорее всего, это были торговые люди, случайно оказавшиеся на пути преследовавших vogулов устюжан, либо описывается один из эпизодов столкновения между торговцами из-за контроля над сибирским товарооборотом [10, с. 94].

Очевидно, что для ситуации конца XV в. говорить о возглавляемой тюменским ханом Ибаком угро-татарской коалиции преждевременно. Согласно мнению некоторых исследователей, организованный Иваном III в 1583 году ответный поход на Пельмские и Югорские земли проходил по территории, не входившей в состав ханства [11; 12, с. 83; 13]. Соответственно, Пельмское княжество даже не имело общих границ с Тюменским ханством. Однако А. Т. Шашков, ссылаясь на самое раннее известие об этих событиях, содержащееся в вологодско-пермских летописцах, указывает на то, что русские ратники «побиша много татар Тюме[н]ских и Сибирь плениша и одолеша» [9, с. 13; 14, с. 270].

В 1505 и 1547 гг. отряды сибирских татар совершили еще набеги на Пермь Великую, но информация об участии в них обских угров отсутствует [9, с. 21]. Но подобная информация содержится в записанной Н. Катановом легенде, в которой против шейха Багауддина и воинов Шейбани-хана, пытавшихся насильственно исламизировать местное население, совместно выступили хотаны, ногаи, кара-кыпчаки и остыяки [15, с. 18-28]. По мнению Д. Н. Маслюженко, описываемые события могли произойти в конце 1480-х гг. [10, с. 97].

Далее обские угры в походах сибирских татар появляются в источниках, описывающих события активизации внешней политики сибирского хана Кучума в 80-е годы XVI в. В 1573 г. племянник сибирского хана Маметкул совершает поход на Пермь, в ходе которого было убито множество остыаков, плативших дань русским [4, с. 206]. После этого в 1580 г. татары с остыаками совершают поход против русских владений на Урале. Согласно Строгановской летописи, организатором этого похода являлся Кучум: «Сибирский салтан с ратио иных остыаков Чагира побил жителей городков чусовских» [16, с. 6]. Перед походом Ермака в 1581 г. пельмский князь Аблай-Керей совершил набег на Пермь, об этом пишет Г. Ф. Миллер со ссылкой на Ремезовскую летопись [4, с. 208], Строгановская летопись фиксирует еще один набег vogулов в этом году: «1581 г. приходил под Чердынь vogульский мурза Бекбелей Актаков с собранием vogульским да остыятским»

[16, с. 9-10]. Причем в составе войска пельмского мурзы перечисляются множество мурз: сывинские, косвинские, обвинские татары, остыки, вогулы, вотяки и башкиры [4, с. 12]. Вычегодско-Вымская летопись также фиксирует совместный поход жителей Зауралья: «Лета 7089 пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил. Того же лета пельинский князь Кикек пришедшу с татары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и Вымские погосты, Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [6, с. 267].

И хотя все летописи указывают на объединения угров и татар против общего врага в виде представителей Русского государства, исследователи по-разному характеризуют статус обских угров в этих конфликтах. Так, Н. В. Перцев предполагает, «что предводителями военных походов пельмцев стали ставленники сибирского хана, что в таком случае объясняет и наличие мусульман среди угров и татарские имена их предводителей» [17, с. 138]. Д. Н. Маслюженко исключает политическую зависимость Пельмского княжества от Сибирского ханства. Автор считает, что вогулы действовали самостоятельно, продолжая противостояние с русскими, начатое полтора столетия до описываемых событий. Исследователь сомневается, что в набеге Аблайгерима могли быть собраны «абсолютно разнородные силы, к которым примыкают мурзы и уланы, то есть командиры конных, в том числе ханских отрядов из Сибирского ханства». И объясняет это обстоятельство возможным желанием автора Строгановской летописи преувеличить важность этого набега для обоснования исходившей от Сибирского ханства опасности, за которой и последовало приглашение Ермака «с товарищи» [13].

Описание самого Ермакова взятия Сибири также содержит сведения о совместных действиях обских угров и сибирских татар. В Есиповской летописи сообщается о возвзвании пельмского князя к Кучуму после нападения на него отряда Ермака, что послужило поводом для мобилизации всех сил ханства для отражения пришельцев: «множество много татар могучих и остыков, и пельмцев, и мноше языцы» [18, с. 120-121]. Погодинский летописец добавляет: «В мале же времени собрашась к нему множество татар и остыков, вогуличи и нии языцы яже под его властию» [18, с. 131].

Но угро-татарская коалиция оказалась непрочной и распалась после первого испытания. Сибирские летописи сообщают о бегстве остыков и вогулов после поражения Кучума на Чувашском мысу [16, с. 24-25; 8]. Г. Ф. Миллер по этому поводу писал: «все остыки из местности по Иртышу, которых хан вызвал для усиления своего войска, покинули его и со страхом разбежались по своим юртам» [4, с. 230-231]. Примечательно, что через четыре дня демьянский князь Бояр выразил покорность Ермаку. «Прииде во град Сибирь остыцкой князь именем Бояр со многими остыки и принесоша Ермаку атаману с товарищи многие дары: соболи добрые, лисицы бурые, куницы черныя. бобры порошны черныя и запасы всякие, яже на потребу им» [18, с. 122].

Согласно Г. Ф. Миллеру, остыки из местности по Иртышу были вызваны Кучумом, что предполагает их подчиненный статус. С. В. Бахрушин со ссылкой на летопись Ремезова называет в числе подручников Кучума кондинских (вероятно, кодских) и обдоринских (обдорских) князей, в частности кодский князь Алач фигурирует в его рассказе как влиятельный союзник Кучума, которому по дележу достался один из «пансырей» Ермака [5, с. 28]. Понятие «подручники» В. В. Трепавлов объясняет «как союзники, младшие по иерархическому рангу» [19, с. 51]. По мнению автора, в отличие от угро-, тюрко- и кетоязычных племен, расселявшиеся по периметру Сибирского ханства, Пельмское княжество считалось союзником хана. Княжество обладало значительным военным потенциалом. Именно статус союзника Кучума и предопределил разгром Пельмского княжества в 1593 году [19, с. 51]. Схожую позицию занимает А. Т. Шашков, считая, что Пельмско-Кондинское, Белогорское, Кодское княжества, «были скорее не

вассалами, а союзниками Сибирского ханства, тесно связанными с ним торговыми отношениями» [9, с. 23].

Таким образом, исходя из данных письменных источников, можно с уверенностью говорить о совместных военных действиях обских угров и сибирских татар, по крайней мере, на заключительном этапе существования дорусской государственности. Хотя не исключено, что подобные контакты могли быть и в конце XV в. В то же время низкая информативность письменных источников продолжает вызывать дискуссии в вопросе статуса обских угров. Мы видим определенные перспективы в дальнейшей разработке исследуемой темы при учете следующих факторов: во-первых, при комплексном привлечении сведений письменных, археологических и этнографических источников, во-вторых, с учетом изучения опыта взаимоотношений кочевников с оседлыми народами в общем и монголами в частности, в-третьих, учитывая специфику внутреннего устройства Сибирского ханства Кучума, и, в-четвертых, опираясь на опыт взаимоотношений русской администрации с местным населением, ведь, как метко замечал С. В. Бахрушин, «московское правительство унаследовало такой строй отношений от предыдущей эпохи и, что таков был характер зависимости остыцких князьков от Кучума» [5, с. 52].

Литература

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. [Центральная Азия и Южная Сибирь. Общий взгляд на Монголию в связи с прочими среднеазиатскими странами]. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
2. Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.
3. Рогерий Магистр. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. Пер. с лат. А. С. Досаева. СПб. : Дмитрий Булганин, 2012. 310 с.
4. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л. : Издательство АН СССР, 1937. 607 с.
5. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI – XVII веках. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. 199 с.
6. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257-271.
7. Каргалов В. В. Сибирский поход 1483 года и его последствия // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 177–182.
8. Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1990. 169 с.
9. Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири. Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2003. Вып. Евразийское пограничье. С. 8-51.
10. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века : монография. Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2008. 168 с.
11. Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М. ; Ньютонвиль, 1993. С. 148-150.
12. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / отв. ред. Р. С. Васильевский; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1986. 317 с.
13. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Сибирско-Московские отношения // Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 116-130.
14. Клосс Б. М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М. : Наука, 1976. С. 275-276.

15. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ученые записки Казанского университета. 1903. Кн. 12. С. 133-146.
16. Сибирские летописи. СПб. : Изд. Имперской Археографической комиссии, типография И. Н. Скороходова, 1907. 462 с.
17. Перцев Н. В. Татарские ханства и Угорские княжества Западной Сибири // Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 131-140.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 255 с.
19. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / Ин-т российской истории РАН. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.